

Рецензии

Это не то

ОКСАНА ТИМОФЕЕВА

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. – 216 с.

Книга преподавательницы Европейского университета в Санкт-Петербурге Оксаны Тимофеевой представляет собой сборник небольших философских эссе. Это рефлексии над ключевыми событиями и процессами, происходившими в России на протяжении последних нескольких лет: необъявленная война с Украиной, флешмоб #янебоюсьсказать и движение *metoo*, капиталистическое отчуждение и деполитизация путинского режима, пандемия коронавируса, крах попыток построить гражданское общество и акты политического сопротивления.

Эссе выстроены в хронологической последовательности: начиная с военных действий в 2014 году и заканчивая протестами против уголовного преследования Юлии Цветковой в 2020-м. Последнее эссе сборника можно назвать размышлениями автора о собственном методе.

Несмотря на то, что большинство из вошедших в сборник текстов были так или иначе опубликованы в момент своего написания, книга, собравшая их под одной обложкой, вышла после начала так называемой «специальной военной операции» России в Украине 24 февраля 2022 года. Как рассказывала сама автор на петербургской презентации, сборник долго готовился, и начало военных действий помешало издательскому процессу, однако в итоге книга увидела свет.

Я читала книгу Тимофеевой одновременно с сообщениями о трагедии, происходящей в Украине; думаю, что это изменило

мою читательскую перспективу – в сравнении с той, что могла бы быть раньше. Исходя из этого я и буду выстраивать свои рассуждения.

Сегодня мне представляется, что книга Оксаны Тимофеевой является одновременно подробным описанием и анализом тех процессов, которые сегодня стремится отразить оппозиционно настроенная часть российского общества. Мы видим, что те идеологические кажимости, которые выступали условием возможности нашей повседневности все эти годы, перестали работать на сохранение социальной ткани в относительной целостности. В итоге огромное количество привычных практик стали предметом критического анализа для всех, кто так или иначе был в них задействован. В этом смысле момент публикации книги задним числом делает ее, возможно, одним из самых любопытных документов своей эпохи.

Итак, что же происходило все это время?

ВОЙНА В ЗОНЕ САКРАЛЬНОГО

Название сборника: «Это не то» – главное, что, на мой взгляд, отражает означавшую спайку между временем написания текстов, первый из которых датирован 2014 годом, и моментом публикации. Главным лейт-мотивом, объединяющим собой все эссе сборника, становится тема необъявленной войны.

«“Нет” – это парадоксальное “да” необъявленной войны, ее своего рода свидетельство наряду со случайно найденными, заблудившимися на территории другого государства военными, мертвыми телами с солдатскими жетонами или без них, могилами без надгробий или же негативными свидетельствами, свидетельствами отсутствия (“ушел и не вернулся”)» (с. 30).

Война ведется, однако на уровне официального дискурса у нее нет обозначения, и это особым образом задает перспективу, наделяя ее характерными слепыми пятнами. В дыру, оставленную на месте отсутствующего означавшего, введение которого смогло бы совершенно иным образом организовать контекст, на протяжении нескольких лет затягиваются погибшие солдаты, беженцы и прочие неуместные атрибуты происходящего с неопределенным статусом. Для официального дискурса эти объекты невидимы, их буквально не существует.

Тимофеева вводит фигуру «мирных обитателей тыла» (с. 36), в которой мы узнаем самих себя. Это диалектическая конструкция, поскольку одно из центральных рассуждений книги направлено на выявление диалектики войны и мирного существования. То, что мы принимаем за мирное существование с вынесенной вовне зоной насилия и сакрального, на деле является лишь изнанкой отрицаемой войны.

«Но в не-месте бессознательного внутреннее и внешнее совпадают, и якобы мирные территории, такие, как Петербург, оказываются не чем иным, как симптомом отрицаемой войны. Это не мирная территория, это тыл. Война была вытеснена, выдвинута вовне и тут же обнаружилась здесь, глубоко внутри» (с. 33).

Практики нашей повседневности оказываются симптоматичными по отношению к утверждаемому с каждым новым днем забвению, удерживающему насилие на безопасной дистанции и придающему ему сакральный статус.

КАПИТАЛИЗМ, СЕКС, ДЕПРЕССИЯ И ОТЧУЖДЕНИЕ

«В каком-то смысле наша повседневная реальность представляет собой отрицание, испуганное “нет” того, что происходит на самом деле» (с. 32). Тимофеева подробно анализирует логику и устройство этого «испуганного нет». Речь идет о системных процессах, превышающих способность отдельного человека от них абстрагироваться, декларируя свое неучастие. Капиталистическое отчуждение и деполитизация, коммодификация человеческих отношений, замыкание на частной жизни, бегство в болезнь и внутренняя эмиграция – все это в тех или иных формах составляло ткань нашего «мирного существования» на протяжении последних лет.

Опишу несколько фрагментов рассуждений Тимофеевой на темы любви и депрессии.

То, что мы часто принимали за любовь, на деле являлось лишь соответствием парадигме коммодификации сущего и, следовательно, человеческих связей. Согласно анализу Тимофеевой, война была тем, что на бессознательном уровне задавало координаты нашего воображаемого. Разъятые,

фрагментированные тела погибших на фронте солдат превращали наше желание во взаимодействие с рядом частичных объектов. Культура «потребления войны» через социальные сети привела к нормализации данного типа чувственности путем создания визуального экрана.

«В мире, где отношения между людьми обретают товарную форму, мы принимаем порно за секс, а мастурбацию – за любовь. Это общество одиночек, которые мечтают о любви и мастурбируют на порно, извергаясь на свалку частичных объектов, органов без тел и тел без душ. Вместо глубины взаимопроникновения – экран, визуальная репрезентация» (с. 109).

Что касается депрессии, то в описанный период истории российского общества она действительно выступала одним из самых распространенных означающих. С помощью его многие пытались описать собственный опыт душевного недомогания или шире – фрейдовского «недовольства культурой» как способа бытия в определенном социальном порядке.

Тимофеева ссылается на Марка Фишера и его работу «Капиталистический реализм», где одно из центральных рассуждений посвящено структурному анализу депрессии. Фишер показывает, что она является основным симптомом социальных и экономических процессов позднего капитализма. Можно добавить, что в контексте российского общества депрессия являлась скорее изнанкой авторитарной модели власти с сопутствующей ей тотальной деполитизацией, замыкающей человека на частной жизни. Дело не только в том, что мы не могли осознать социальную роль депрессии, но и в том, что сама идеологическая конструкция, в основе которой лежал акцент на индивидуализме, не позволяла этого увидеть.

В других эссе Оксана Тимофеева описывает прочие вариации отчуждения, каждая

из которых, разумеется, имеет свой ценностный аватар в идеологии позднего путинизма. С ними читатель может ознакомиться самостоятельно, я же ограничусь лишь двумя примерами, чтобы сохранить зазор для читательского любопытства.

«ЧТО СКАЗАЛ БЫ НА ЭТО ГЕГЕЛЬ?»

В последнем эссе сборника Тимофеева рассуждает о своем методе. Название книги – «Это не то» – можно читать и следующим образом: «это не то, чем кажется на первый взгляд». Методом борьбы с идеологическими кажимостями Тимофеева избирает гегелевскую диалектику, рассматривая, как в рамках сознания каж-дое понятие обнаруживает себя в своей противоположности.

«Уровень сознания – это пара противоположностей, и каждое “я” обнаруживает себя в своей противоположности, в ином, чем оно само: например, господство обнаруживает свою истину в рабстве, честность – в обмане, благородство – в низменности, а просвещение – в суевериях; [...] каждое “я” всегда уже есть “мы”, и такова вирусная природа языка: само общение – это форма заражения» (с. 197).

Это философское диалектическое сознание Оксана Тимофеева описывает с помощью метафоры вируса. Носители этого сознания должны стать «вирусом просвещения», задача которого – пробудить общество «от забвения мастурбации, войны и капитализма к сознательной жизни» (с. 112).

Из этого следует важный вопрос: как превратить настоящее в пространство праксиса вместо пространства отчужденного существования и «испуганного нет»?

Тимофеева делает ставку на бескомпромиссный тезис любой левой политики – идентификацию с угнетенными – и коллек-

тивные, горизонтальные формы организации сообщества, построенные на Эросе или либидинальных связях, создающих политические и творческие единства в противовес разрушению и замыканию.

«Логическая необходимость, с которой вирус здравого смысла будет распространяться и в конечном итоге победит, – всего лишь вопрос времени. Скорее поздно, чем рано. Наверное, мы этого не увидим, но пусть наше поколение ляжет брусчаткой моста, по которому дети сегодняшних иноагентов смогут перейти к более потребному будущему» (с. 120).

Однако сегодня мы видим, что эти практики, призванные преодолеть отчуждение, как минимум не сработали, а в пределе и вовсе обнаружили свой «сбитый прицел». Общественные дискуссии в среде оппозиции сегодня очень часто обретают столь неприятный для многих морализаторский характер и нередко выливаются в упоенное самобичевание. Нет ничего удивительного в том, что от этих процессов болезненной саморефлексии многие пытаются отстраниться посредством рационализации и взвешенного анализа, а то и полного воздержания от участия. Тем не менее мало кто станет спорить с тем, что подобные обсуждения улавливают некоторую истину, пусть и в искаженной форме. Кажется, мы все делали правильно, мы пытались, но почему же ничего не вышло? Признавая собственное бессилие, мы осуществляли эту трудную работу – подготовительные процессы демократизации, которые обязательно сыграют свою роль в новом обществе, – но теперь наблюдаем лишь усиление репрессий и умаление свободы? Как нам удавалось столь долго оставаться в неведении?

На мой взгляд, книга Оксаны Тимофеевой метко анализирует практики нашей

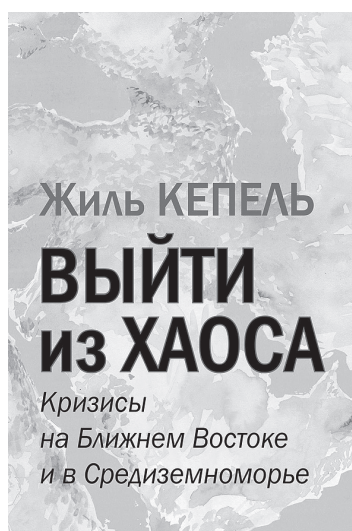
политической и социальной повседневности, а сам момент ее публикации подводит черту под привычными моделями поведения и ставит перед нами много новых и неудобных вопросов, ответы на которые нам еще только предстоит выработать совместными усилиями.

ВАЛЕРИЯ ЛЕВЧУК

Выйти из хаоса. Кризисы на Ближнем Востоке и в Средиземноморье

Жиль Кепель

М.: РОССПЭН, 2021. – 367 с. – 1000 экз.

Политическое востоковедение с полным основанием можно отнести к числу тех отраслей гуманитарного знания, которые в первой четверти нынешнего столетия переживают бурный рост. Удивляться этому, собственно, было бы странно: регион, последовательно генерировавший «Аль-Каиду», «арабскую весну» и «Исламское государство», не мог не стимулировать исследователей¹. Причем Ближний Восток

1 Обе упомянутые организации запрещены на территории Российской Федерации.

уже давно сохраняет репутацию такого предмета, где зарубежные и отечественные ученые трудятся словно наперегонки: ведь русскоязычная школа изучения арабского мира издавна уважаема и солидна, а ее представители бесперебойно производят внушительный массив научной продукции. Иными словами, мотивированному русскоязычному читателю несложно найти интересную книгу об арабах и арабском мире – предложение сейчас весьма богато. Тем не менее при всем этом отечественном изобилии время от времени на рынке оказывается такая переводная книга, от которой буквально дух захватывает. Именно к такого рода выдающимся трудам стоит отнести работу видного французского арабиста, написанную в 2018 году и недавно появившуюся в русском переводе.

Жиль Кепель – профессор парижского Института политических наук (Sciences Po) – принадлежит к элите европейских исламоведов, а его книги, которых уже два десятка, переведены на двадцать языков². Несмотря на то, что в центре его научной экспертизы, как и принято у французских востоковедов, остается Левант, ученый работает широкой кистью, обозревая Ближний Восток и Северную Африку в целом. Несомненно, у директора Института востоковедения РАН Виталия Наумкина, написавшего предисловие к рецензируемой публикации, были все основания, чтобы назвать ее «одной из лучших в мировой научной литературе работ по современной истории арабского мира» (с. 5). Прочитав этот текст, я с удовольствием присоединяюсь к мнению российского академика.

Французский арабист предлагает многомерную и, главное, свежую трактовку той сумятицы, которая не оставляет Ближний

Восток и прилегающие к нему регионы на протяжении вот уже полувека. Как известно, эти территории не отличались спокойствием и прежде, особенно после того, как на карте мира появилось государство Израиль. Тем не менее за точку отсчета нынешней полосы ближневосточного беспорядка – «этот хаос распространился на весь мир 11 сентября 2001 года и достиг кульминации с созданием “Исламского государства” в 2014–2017 годах» (с. 17) – автор предлагает брать не 1948 год, а арабо-израильскую войну 1973 года, в ходе которой нефтедобывающие арабские страны впервые использовали углеводороды как оружие. Именно тогда египетские и сирийские улемы с одобрения своих властей провозгласили войну с израильтянами джихадом, а баснословные цены на нефть позволили консервативным монархиям Персидского залива щедро его финансировать.

Последовавшее вскоре самоубийственное вторжение Советского Союза в Афганистан привнесло в эту динамику новые ноты: идея мусульманского джихада против неверных, которая после провалившихся попыток реанимировать ее в ходе двух мировых войн оставалась где-то на периферии исламского дискурса, зажила гораздо более бурной жизнью. В тот же период исламизация политики проявила себя и на иных территориях, где проживают мусульмане: иранская революция 1979 года дополнила возбуждение суннитской уммы агитацией шиитского мира. Интенсивное переосмысление собственных духовных и мирских практик, предпринимаемое обеими ветвями ислама, повышало в каждой из них градус пассионарности и наращивало конфликтный потенциал. В итоге

2 См. наиболее известные из них: КЕПЕЛ Ж. *Jihad: The Trail of Political Islam*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 2003; ИДЕМ. *The War for Muslim Minds: Islam and the West*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 2006; ИДЕМ. *Beyond Terror and Martyrdom: The Future of the Middle East*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 2010. Первая из этих работ издавалась на русском языке: КЕПЕЛЬ Ж. *Джихад: экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир, 2004.

к определенному моменту внутренняя мусульманская схизма, зародившаяся почти во времена Пророка, обострилась до такой степени, что вообще затмила арабо-израильский конфликт, сделавшись главным двигателем ближневосточных политических процессов.

В свою очередь, продолжает Кепель, это имело самые фундаментальные последствия не только для государств, населенных «благоверными», но и для всего остального мира. Исламская республика, утвердившаяся в Иране, первой обратилась к широкомасштабному использованию воинов-смертников во время ирано-иракской войны 1980–1988 годов; этот способ нашел многочисленных подражателей в суннитском лагере. Щедро финансируя в те дни афганских моджахедов – автор пишет, что за десять лет США вложили в это 4 миллиарда долларов, – американцы в 1980-е «не понимали ни значения суннитской политики исламизации, как ее видела Саудовская Аравия, ни форм, в которые эта политика выливалась» (с. 40). К концу этого десятилетия, по словам Кепеля, «исламизм уже всерьез и надолго обосновался в системе международных отношений» (с. 49). На первом этапе, однако, он был еще слаб: на всех трех фронтах джихада, открытых в 1990-е, а именно в Египте, Алжире и Боснии, воинствующих исламистов ждал провал. В книге каждый из этих кейсов обстоятельно и всесторонне анализируется.

Джихадисты, однако, отыгрались на втором этапе, связанном с деятельностью «Аль-Каиды». Руководители этой организации предложили принципиально новый метод борьбы с отступниками и «неверными»: заимствовав у шиитов Ирана и ориентированной на них «Хизбаллы» ширококомасштабное использование «живых бомб», они радикально переосмыслили их назначение. Источником новой разновидности терроризма теперь выступало

не государство, как было прежде в случае с революционным Ираном, для которого смертники всего лишь решали конкретные оперативные вопросы: Усама бен Ладен и его сподвижники «стояли за сложной структурой с размытыми границами, но максимально четкими задачами, не подлежавшими обсуждению, что ставило в затруднительное положение Запад с его набором средств и методов» (с. 79). Стратегия, использованная джихадистами на этом этапе, предполагала широкое и нарочитое освещение их действий в электронных СМИ. Театрализация терроризма была сознательно провокационной, поскольку смысл ее заключался в следующем:

«Заставить Запад направить свои войска в Афганистан, а после того, как они увязнут в этой ловушке, разгромить их, как это сделали двенадцатью годами ранее с советскими войсками. Бен Ладен и его окружение рассчитывали, разумеется, не на то, что атаки террористов-камикадзе 11 сентября сами по себе уничтожат США, а на то, что они запустят процесс, который в конечном счете сломит Запад» (с. 88).

Как известно, основатель «Аль-Каиды» был убит американским спецназом в 2011 году, накануне десятой годовщины разрушения «башен-близнецов», не дождавшись столь желанного исхода. Кепель же издал свою работу по-французски в 2018-м: он тоже тогда еще не мог знать, что очень скоро замысел «террориста № 1» будет посмертно и почти буквально воплощен в жизнь и «сионисты-крестоносцы» покинут Афганистан с тем же позором, с каким из него некогда уходили «советские кафиры». Но еще более тягостной ошибкой консолидированного Запада, как полагает автор, стало вторжение антитеррористической коалиции в Ирак, в конечном своем изводе не погасившее суннитский терроризм, а напротив, консолидировавшее и упрочившее его – подтолкнув появление

на свет зловещего «Исламского государства», которое положило начало третьему этапу джихадизма.

Начиная коалиционную операцию против Саддама Хусейна, США и их союзники рассчитывали устранить один из корней суннитского терроризма, апологетом и спонсором которого им представлялся иракский диктатор. Но на деле «американская оккупация Ирака в 2003–2011 годах привела к парадоксальному явлению – приходу к власти в Багдаде партий шиитов, клиентов Тегерана, заклятого врага Вашингтона» (с. 110). Тем самым была обещана дальнейшая эскалация взаимной ненависти двух мусульманских течений, наложившаяся на события начинавшейся «арабской весны». В 2010–2011 годах Ближний Восток и Северная Африка сделали ареной сразу нескольких революций, отличавшихся друг от друга накалом, продолжительностью и исходом. В книге предпринимается обстоятельный анализ шести основных революционных кейсов, подразделяемых автором на две категории. Для первой из них, куда относятся Тунис, Египет и Ливия, было характерно то, что носителя власти быстро свергали, а потом изгоняли, отправляли в тюрьму или убивали. Фактором, который объединял эти три страны, была относительная этническая и конфессиональная однородность их социумов, позволявшая различным сегментам, сражающимся с режимом, вступать во внутренние союзы и коалиции. Все эти государства были арабскими и суннитскими, что позволило им вопреки плачевым в целом итогам «арабской весны» избежать «трагических последствий кровавого раскола между суннитами и шиитами» (с. 116). Что касается второй группы, куда вошли Бахрейн, Йемен и Сирия, то она оказалась менее удачливой. Общества в этой тройке были расколота по религиозным линиям, и поэтому перспективы свержения тиранических режимов предопределялись тем,

удастся ли оппозиционерам выстроить межконфессиональные альянсы. Учитывая степень взаимного соперничества и даже ожесточения, типичную для взаимоотношений суннитов и шиитов в то время, подобные союзы не вызрели практически нигде: ни бахрейнцы, ни йеменцы, ни сирийцы, по сути, не представляли собой единого народа, способного совместными усилиями сокрушить ненавистный политический строй.

Для подробного рассмотрения всего этого революционного паяса автор резервирует едва ли не половину книги. Ожидания тех, кто хотя бы немного интересуется отшумевшими в 2010-х арабскими революциями, после чтения этого раздела будут вознаграждены: это по-настоящему пронизательный взгляд, сплетающий несколько параллельно разворачивавшихся сюжетов в единое полотно великого арабского катаклизма XXI века. (Говоря об этом, нельзя, впрочем, не признать, что всего через десять лет эту ближневосточную смуту основательно затмили некоторые другие нарративы.) Не собираясь пересказывать захватывающие авторские хроники «1001 революции» – все-таки рецензия есть жанр, заведомо скуповатый, – скажу лишь одно: этот материал в высшей степени достоин прочтения. Кстати, украшением этого раздела стала серия географических карт, выполненных в цвете и потому предельно наглядных. Издателям стоит выразить особую благодарность за то, что они в наш экономный век не поддались соблазну обойтись без этого украшения: книга, несомненно, стала бы дешевле, но столь же очевидно потеряла бы в выразительности и убедительности.

Именно с крахом провалившихся революций, в особенности сирийской, автор увязывает быстрое становление и краткосрочный триумф «Исламского государства». Дестабилизировав в 2003 году Ирак и передав власть в нем шиитскому большинству,

не преминувшему начать сведение счетов с долго угнетавшими его суннитами, США, пусть невольно, но мобилизовали тысячи радикалов, готовых присоединиться к немощному до поры «Исламскому государству».

«Когда волнения в Сирии переросли в вооруженное восстание, западные сторонники повстанцев сознательно закрывали глаза на нарастание салафитской и джихадистской его составляющих. Они продолжали цепляться за отжившие свое штампы и внеисторические сравнения, уподобля, например, происходящее в Сирии гражданской войне в Испании».

Результатом подобных aberrаций явилась полнейшая неспособность Запада «осознать масштаб тектонических сдвигов, происходящих в мусульманском мире» (с. 210–211). Погружаясь в историю «Исламского государства», автор напрямую увязывает деятельность этого образования с волной терактов, накрывшей Европу в середине 2010-х, а также показывает, как на его появление отреагировали ключевые региональные акторы. Он также детально разъясняет, кто и что приобрел (или потерял) после разгрома новоявленного «халифата», состоявшегося в 2017 году. Одним из очевидных выгодоприобретателей, как утверждает в книге, оказалась Москва.

Ничуть не симпатизируя Владимиру Путину, автор тем не менее полагает, что Россия выступила в Сирии более чем успешно, добившись целого ряда стратегических целей. Сирийская война серьезно повлияла на взаимоотношения Москвы с Израилем, Саудовской Аравией, Турцией и Ираном – и это как минимум! – вновь превратив ее в такого же реального «делателя» ближневосточной политики, каким она была до распада СССР.

«Если бы не вмешательство 30 сентября 2015 года, ничто не спасло бы Асада, балансировавшего на краю пропасти. Этот успех России повысил авторитет ее вооруженных сил в регионе и раздул портфель заказов ВПК, позволив вновь выпрямиться во весь рост на международной арене, что и представить себе было нельзя в конце прошлого века, в годы “черного десятилетия” Бориса Ельцина» (с. 304).

По-видимому, сказанное в значительной степени верно. Однако с того момента, когда французский востоковед издал свою книгу – напомним, она была написана в 2018-м, – история сильно убежала вперед, и то, что представлялось важным вчера, зачастую перестало казаться таковым сегодня, а вопросы, тревожащие нас в сию минуту, совсем не те, что волновали недавно. Не оказало ли, например, триумфальное взятие Алеппо и Пальмиры нежелательного влияния на державное самоощущение освободителей? Не могло ли чудесное спасение режима Башара аль-Асада убедить имперских романтиков в том, что власть в других странах можно не только спасать, но и менять посредством авиационных рейдов и «точечных» ракетных ударов? Не получилось ли так, что сирийские победы над джихадистами с их «халифатом», сами по себе вполне нужные и благородные, расшатали сдержки политического реализма в умах ответственных лиц? Наконец, не утратила ли Россия плоды всего наработанного на Ближнем Востоке, обратившись к демонстрации силы на своем Ближнем Западе? Я перечислил лишь несколько вопросов, на которые хотелось бы получить ответы профессора Кепеля. Причем, судя по всему, знаменитому востоковеду и вправду есть что сказать обо всем упомянутом, как свидетельствуют его недавние интервью, комментирующие текущие события³. Будем надеяться, что

3 См., например, интервью египетской газете «Аль-Ахрам», опубликованное летом нынешнего года: ALKAZAZ M., HANY H. *Interview: Russia-Ukraine War Is a Major Game Changer on the World Stage: Gilles Kepel* // Al-Ahram. 2022. August 12 (<https://english.ahram.org.eg/News/473070.aspx>).

его нынешняя работа не последняя из тех, что наш читатель увидит в русскоязычном переводе. Хотя по нынешним временам, прямо скажем, может быть всякое.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

НЕ ТОЛЬКО МАК И НЕ ТОЛЬКО ВОЙНЫ

Афганистан: подлинная история страны-легенды

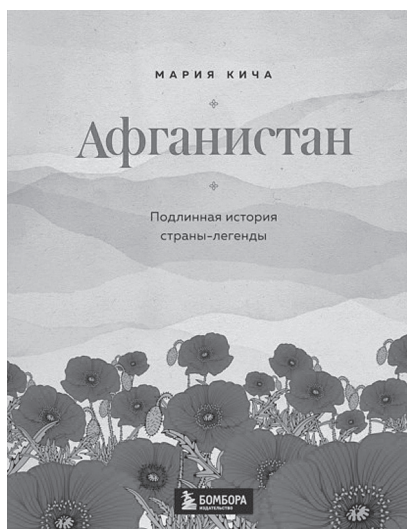
Мария Кича

М.: Бомбора, 2022. – 464 с. – 3000 экз.

Летом 2021 года многие из нас с неослабным вниманием следили за событиями в Афганистане: вывод военного контингента США и быстрый переход страны под контроль движения «Талибан» кого-то заинтриговали, а кого-то повергли в оцепенение. Стремительная афганская драма убеждала в том, что местный вооруженный исламизм несколько лет назад всего лишь взял передышку и только присутствие иностранных солдат не позволяло ему вновь развернуться во всю мощь. Теперь же время словно вернулось вспять, в конец 1990-х, когда те же талибы железной рукой насаждали на древней земле Афганистана свои суровые законы, изготавливаемые из причудливой смеси ислама и пуштунвали – традиционного свода норм, по которым издавна жили пуштунские племена.

Каким же образом современный Афганистан обзавелся непоколебимой репутацией «отсталой, нестабильной и опасной» страны – места, «где нет промышленности и образования, где не соблюдаются права человека и где царит будничное насилие» (с. 11)? О последней особенности, к которой сами местные жители, похоже, успели привыкнуть, автоматичес-

ки вспоминает чуть ли не каждый, едва заслышав об Афганистане – хотя еще полвека назад в эти края съезжались толпы хиппи, искавшие спокойствия, безмятежности. И если вдруг при упоминании этого географического названия вам на ум не приходит ничего, кроме бесконечных войн, бескрайних маковых полей и свирепых террористов, то рецензируемая книга настоятельно рекомендуется к прочтению. Дело в том, что Афганистан не всегда был таким: затянувшемуся периоду разрушений предшествовали совсем другие и менее известные этапы и события, которые тоже прочно вплелись в текстуру нынешнего афганского социума.

Афганистан очень давно стал объектом повышенного интереса солидных мировых игроков, как близких, так и не очень. Нередко эти игроки конфликтовали между собой из-за афганских земель, и это накладывало неизгладимый отпечаток на исторический путь страны. Причина равнодушия понятна: она кроется в географическом положении, сначала принесшим этой части «великого шелкового пути» процветание, а потом превратившимся в проклятие. Дело в том, что, доминируя в этой стране, можно оказывать действен-

ное и болезненное давление практически на все близлежащие государства, включая Индию, Пакистан, Китай, Турцию, Иран и республики Средней Азии. Подобная перспектива привлекала многих амбициозных правителей – и она же сделала Афганистан признанным «кладбищем империй». К этому соблазну добавляется и другой: афганский геополитический коридор, который охраняют, но не развивают, хранит в себе множество ископаемых, до разработки которых пока ни у кого не доходят руки. Конечно, география наделила здешние места не только плюсами, но и минусами, первейшим из которых следует признать нехватку воды. Естественные водные ресурсы для орошаемого земледелия не подходят, а создаваемые искусственно уничтожаются в каждом раунде частых войн. Известно, например, что во время советского присутствия в Кандагаре вырубали фруктовые сады, попутно уничтожив их оросительные системы, поскольку в садах находили укрытие моджахеда⁴.

Отправная точка авторского повествования располагается в седой древности, где-то еще до начала нашей эры, а конечная – в минувшем 2021 году. Рассказывая о доисламском периоде жизни афганцев, автор напоминает, что, согласно преданию, в Балхе родился, жил и умер Заратустра, основоположник зороастризма – и поэтому Северный Афганистан можно считать колыбелью этой религии. Важно отметить, что именно зороастризм обеспечил переход от многобожия к монотеизму, подготовив почву для последующего появления и распространения ислама. Впрочем, несмотря на такую религиозную родословную, нынешний Афганистан относится к странам с наибольшим процентом мусульманского населения: здесь нет даже сколько-нибудь влиятельного христианского меньшинства.

⁴ Подробнее см.: RASHID A. *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. New Haven: Yale University Press, 2010.

Первоначально Пуштунистан («страна пуштунов») находился в орбите Персии, перенимая ее культуру, обычаи, языки. После завершения походов Александра Македонского в этих землях оказались выходцы из материковой Греции, принесшие с собой эллинистическую культуру, однако вместе с падением Бактрийского царства она ушла навсегда. Империи сменяли друг друга, принося с собой новое население, вытеснявшее прежнее или вливавшееся в него, а вместе с людьми приходили и новые культуры. Только походы Чингисхана, говорится в книге, никак не обогатили этот плавильный котел. Более того, они отбросили афганские земли на сотни лет назад. Дело в том, что нашествие орды надолго укрепило децентрализованную кланово-племенную систему существования местных сообществ, так как она ощутимо повышала шансы на выживание в горах населения, спасающегося от монгольских набегов. При этом все имевшиеся на территории Афганистана крупные города, некогда соперничавшие с Багдадом, погибли вместе со своими просвещенными элитами.

С давних времен и до сих пор настоящий Афганистан – это мир деревень, каждая из которых являет собой самодостаточную социальную и экономическую единицу. Большинство жителей страны веками проживали именно в сельской местности. Власть в деревне выстраивалась по образцу семейных отношений: управляли ею старейшины кланов во главе с самым авторитетным патриархом. В деревнях также имелись малик (староста), отвечающий за связь с внешним миром и выплату налогов; мулла, управлявший религиозной стороной жизни; далак, посредничавший между мужским и женским мирами; мираб, отвечавший за пользование водой и функционирование оросительной системы.

Каждое сельское поселение было фактически замкнутым на себя самодостаточным миром. Интересно, что для взаимодействия и получения услуг в этом мире не использовались деньги: по большей части социальные обязанности выполнялись из уважения к односельчанам и следования традиции. С оседлым образом жизни в стране соседствовал кочевой быт. Кочевники неплохо уживались с обитателями городов, извлекая выгоду из обмена товарами на местных рынках; куда тяжелее выстраивались их отношения с деревнями, жителям которых не нравилось появление чужаков и их овец на родных пастбищах. Любой афганской власти на протяжении веков контроль над кочевниками давался нелегко: поскольку их сложно было сосчитать, налогообложение кочевого люда всегда оставалось большой проблемой. Кроме того, они охотно присоединялись к различным восстаниям.

Структуру страны можно назвать фрактальной: социально-политическое устройство Афганистана как будто воспроизводило архитектуру деревень, из которых он состоит. Правитель являлся скорее «отцом отцов», нежели монархом в европейском понимании слова. «Афганистан был не столько государством, сколько семейным предприятием», – так характеризуется этот порядок в книге (с. 113). Соответственно, понимание власти тоже отличалось от утвердившегося в Новое время на Западе: обязанностей перед населением у нее было гораздо меньше. Например, до XX века в стране отсутствовала полиция, а жители сами должны были заботиться о своей безопасности. Муллы, которые выполняли не только религиозные, но и образовательные функции, появлялись сами по себе, без государственного участия – напрямую из народной среды. Общая судебная система отсутствовала; все дела в каждом населенном пункте разбирала местная джирга – совет старейшин.

Попытка весьма преуспевшего в других своих начинаниях Ахмад-шаха, основавшего в XVIII веке современный Афганистан, создать всеобщую систему правосудия, провалилась: она предполагала личное обращение истцов к повелителю, но не многие отваживались беспокоить его. Эффективная самоорганизация на местах, которую демонстрировали афганцы, обесмысливала создание общегосударственных органов, так как они работали гораздо медленнее и требовали более затратных управленческих усилий.

Нам, однако, не стоит завидовать восточным правителям, так как для них потерять власть было куда проще, чем их западным коллегам. Порой выхода за рамки предписанного поведенческого шаблона, будь то в словах или в делах, оказывалось вполне достаточно, чтобы властителя отстранили от должности. Именно эту особенность, говорит автор, упускали из внимания все иностранцы, пытавшиеся управлять Афганистаном. Официальное провозглашение человека лидером в этой стране еще не делало его таковым *de facto*. Когда англичане вели с русскими «большую игру» за влияние в Центральной Азии, непонимание этого момента создавало им серьезные проблемы. Афганским авантюрам Британской империи в книге уделено много страниц, по которым, как мне кажется, вполне можно снять сериал о хитроумии Дост Мухаммедхана – афганского эмира первой половины XIX столетия.

Анализ исторических событий на страницах книги перемежается вставками из фольклорных или литературных источников соответствующей эпохи. Легендарные нарративы придают событиям легкий мистический налет, делающий и без того нескучное повествование еще более динамичным. Читателю словно предоставляется выбор: или придерживаться утвердившейся трактовки произошедшего, или же пред-

почесть более сказочный ее вариант. Если поговорки и легенды отражают традиционное мировосприятие афганцев, то литературные произведения – чаще всего стихотворные – многое могут сообщить, скажем, об отношениях человека и власти. Это особенно верно, если соотносить стихи с судьбами их создателей, которые чаще всего оказывались трагическими. Говоря о культуре, автор выделяет интегральный синтез, имевший место в XX веке: после Второй мировой войны афганская традиционная культура начала активно вестернизироваться. Под ритмы рок-н-ролла в страну пришел новый образ жизни: часть афганцев, пусть даже незначительная, начала жить на западный манер. В стране, кстати, даже появился свой «афганский Элвис Пресли». Тем не менее новые нравы не мешали тому, чтобы на праздниках в честь Дня независимости мужские команды продолжали соревноваться в перетягивании обезглавленной козлиной туши.

Книга снабжена терминологическим словарем, краткой хронологией недавней гражданской войны, базовыми статистическими показателями 2015–2021 годов и, *last but not least*, перечнем индустриальных и инфраструктурных объектов, которые СССР успел построить в Афганистане, пытаясь завоевать симпатии местных властей. Список, кстати, наглядно демонстрирует, в какой существенной мере современный Афганистан был сформирован Советским Союзом. Очень уместны и цветные вклейки с административным делением, вариациями государственного флага Афганистана в различные эпохи и портретами некоторых афганских деятелей. Произведение состоит из 29 глав, названия которых сформулированы настолько витиевато, что понять, о чем пойдет речь, до прочтения решительно невозможно (хотя в них и содержатся намеки). Наконец, завершают повествование пять причин,

объясняющих читателю, почему «афганский вопрос» остается очень важным для всех. Не вдаваясь в их детальный разбор, скажу просто: результаты пренебрежения Афганистаном, по заверениям автора, будут неутешительными.

«Афганистан сегодня занимает уникальную позицию – в центре мировой геополитики и одновременно на обочине цивилизации»: такими словами открывается эпилог (с. 437). Любовь, которая чувствовалась в авторском описании Афганистана с первых же страниц, по мере развертывания повествования постепенно уступала тревоге. Афганистан, говорится в книге – страна мифов, причем главным из них остается миф о его «непобедимости». Между тем дело совсем не в баснословной искусности пуштунских воинов – просто покорение страны чаще всего оказывалось для потенциального захватчика не целью, а только средством. Иностранцы уходили с афганской земли не из-за того, что их изгоняли: главной причиной становилось то, что их пребывание в Афганистане переставало быть нужным тем внешним силам, которые направляли сюда своих солдат. Таким образом, вопреки расхожему мнению моджахеды не победили СССР, а талибы не одолели США. Несмотря на все богатства природы, истории и культуры, поддерживающие любовь к этой земле, не стоит забывать, что современный Афганистан прочно ассоциируется с повсеместным нарушением прав человека, эксплуатацией детей, угнетением женщин, бедностью и террором. В начале XXI века здесь по-прежнему нет «типичного» государства, обладающего централизованной властью и универсальной правовой системой. Афганистану трудно войти в эпоху глобализации, спланированную волевыми усилиями отдельных государств, поскольку здесь очень долго не удастся добиться сплочения даже внутринациональных волей. А от того, что настоящая государственность на эти

земли еще не пришла, страдают не только иностранные захватчики, но и сами афганцы.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

Без видимых повреждений

Рэйчел Луиза Снайдер

М.: АСТ; CORPUS, 2021. – 432 с. – 2000 экз.

Серия «Анатомия современного общества»

Эта книга о явлении, которое совсем недавно в российском обществе горячо обсуждалось, а теперь как будто бы предано забвению, причем не потому, что оно исчезло – просто наш социум едва ли не в одночасье сделался принципиально другим.

«Домашнее насилие – это частное дело, оно никак не связано с другими формами насилия. [...] Раз нет видимых повреждений – нет поводов для тревоги. И, пожалуй, самое главное – если мишень удара не ты сам, то насилие не имеет к тебе отношения» (с. 15).

Вероятно, под этими словами, в которых автор изображает довольно типичную обы-

вательскую позицию, сейчас подписалось бы больше россиян, чем, скажем, год назад, ибо за этот период мы, вне всякого сомнения, подковались по части других, «неодомашненных» и более суровых, форм насилия. Тем не менее тема, которая поднимается в рассматриваемой книге, никак не затерялась на фоне прочего жизненного беспорядка; уже в первых строках автор напоминает, что в среднем по планете от рук сексуального партнера или члена семьи *ежедневно* погибают 137 женщин, а если добавить сюда детей и мужчин, то цифра станет еще более впечатляющей (с. 15). Иными словами, это потери практически военного масштаба, и потому о них нельзя не говорить – даже если информационная повестка активно выдавливает их на периферию общественного дискурса.

Несмотря на то, что в Америке случаи домашнего насилия составляют более 15% всех преступлений, эту проблему пока не принято обсуждать в полный голос. Журналистка Рэйчел Луиза Снайдер, несколько лет занимающаяся изучением этого уродливого явления, не согласна с таким положением вещей. Погружение в тему привело ее к убеждению, что насилию в домашних стенах можно и нужно противостоять: главное – привлечь к нему общественное внимание. Снайдер – довольно популярная фигура: она пишет для «The New Yorker», «The New York Times Magazine», «The Washington Post», «The New Republic» и других почтенных фламанов тиражной американской прессы. Журналистику и писательство она совмещает с преподаванием, работая в Американском университете в Вашингтоне. Материалом для представляемой здесь книги послужили несколько конкретных историй – резонансных преступлений, возбудивших американское общество. Соответственно, предпринятый Снайдер анализ актуален, конкретен и подкреплен десятками интервью.

Автор начинает с развенчания распространенного представления о том, что домашнее насилие меркнет на фоне иных его разновидностей, гораздо более ужасающих: согласно выявляемой ею закономерности, практически за всеми случаями массовых убийств в США фоновым образом обнаруживается предварительное применение силы в домашних стенах. Нередко, рассказывает Снайдер, расстрелу десятков людей предшествует расправа с собственными близкими. Именно так, в частности, было в случае Омара Матина, который в июне 2016 года застрелил 49 человек в ночном клубе в городе Орlando, штат Флорида. Статистика говорит, что домашнее насилие так или иначе фигурирует в 46% массовых расстрелов, а это подтверждает правоту людей, убежденных, что «частные случаи насилия имеют общественные последствия колоссального масштаба» (с. 17). В том же контексте автор упоминает и «снайпера» Джона Аллена Мухаммеда, который в октябре 2002 года на протяжении трех недель держал в страхе штаты Вирджиния и Мэриленд, а также округ Колумбия, стреляя в людей, как казалось, абсолютно бессистемным образом. В действительности же убийца, долго издевавшийся над своей женой, с которой уже не проживал вместе, после задержания сообщил полиции, что «наугад стреляя в случайных людей, надеялся скрыть свой истинный план – убить Милдред» (с. 19). Трагедий с такой подоплекой, по утверждению Снайдер, происходит множество, но публика о них не очень осведомлена. Дело в том, что в США «массовым расстрелом» считается убийство четырех или более людей и поэтому в большинстве своем подобные инциденты, но с меньшим числом жертв, освещаются только в местных или региональных новостях, будучи слишком «мелкими» для федеральной повестки.

Согласно автору, проведение журналистского расследования, посвященного

домашнему насилию, – нелегкая задача. Как известно, этика пишущего требует, чтобы о произошедшем могли высказаться обе стороны – как жертва, так и преступник; однако такой объективистский подход нередко создает угрозы тем, ради кого, собственно, материал и пишется – а эти люди и так находятся в зоне повышенного риска. В нескольких эпизодах Снайдер месяцы (или даже годы) продолжала беседовать с жертвой, а результата не было никакого, так как попросить о разговоре с насильником означало поставить под угрозу безопасность доверившегося журналистке человека: ведь в ситуации домашнего насилия избавление от мучителя не всегда равнозначно благоприятному исходу. Исходя из этого Снайдер ориентировалась на хрупкое равновесие между канонами журналистской этики и физической безопасностью тех, кто решился на беседу с ней: имена некоторых респондентов изменены, а информация об их личностях не раскрывается.

Домашнее насилие не похоже ни на какое другое преступление. Однако, сетует Снайдер, когда американские законодатели выделяют финансирование, призванное обеспечивать Акт против насилия над женщинами, суммы всегда оказываются мизерным. По мнению автора, будь все наоборот – если бы женщины избивали и убивали мужчин так же часто, как мужчины женщин, – отношение к проблеме было бы совершенно иным. Такое пренебрежение имеет давнюю традицию: ведь в истории человеческих сообществ применение силы в стенах домохозяйства почти никогда не считалось злом. На осень 2018 года, когда Снайдер писала эти строки, в мире существовало больше десятка стран, где избивание супруга или члена семьи не считалось преступлением: среди таковых в книге упоминаются, в частности, Египет, Гаити, Латвия, Узбекистан, Конго. Разумеется, в этом ряду оказывается и Россия, где «в 2017 году до-

машнее насилие, не приведшее к телесным повреждениям, было выведено из списка правонарушений» (с. 26). Что же касается США, то здесь позицию правозащитников и феминисток основательно ослабило президентство Дональда Трампа, который не только многократно и откровенно демонстрировал свою сексистскую враждебность к женщинам, но и стал фигурантом нескольких разбирательств, в центре которых были его сексуальные домогательства. В определенных слоях американского общества линия, которую проводит Трамп, пользуется популярностью – так что проблема насилия в американских домах очень далека от своего разрешения.

Цель книги, согласно авторскому замыслу, заключается в том, чтобы показать, как домашнее насилие выглядит изнутри и как с ним можно справиться. Каждая из трех частей посвящена какому-то одному глобальному аспекту темы. В первой поднимается самый трудный, по-видимому, вопрос: почему жертвы не уходят от тех, кто издевается над ними? В книге доказывается, что они не делают этого, потому что знают – любое резкое движение спровоцирует абьюзера:

«Они не уходят потому, что за многие годы нашли способы, которые иногда помогали успокоить разъяренных супругов: мольбы, упрашивание, задабривание, обещания, публичные проявления солидарности с агрессором в общении с теми самыми людьми – полицейскими, правозащитниками, судьями, адвокатами, членами семьи, – без помощи которых жертве вряд ли удастся выжить» (с. 82).

В принципе, считает журналистка, совсем не этот вопрос нам следует задавать. Ведь базовая проблема в действительности в другом: как защитить этих людей? Такой подход более чем актуален на фоне статистики, которой оперирует Снайдер: оказывается, в США в списке факторов, причиняющих преждевременную смерть,

домашнее насилие занимает вторую строчку для чернокожих женщин, третью – для индейских женщин, седьмую – для белых женщин. В целом же в Америке каждый год убивают двенадцать тысяч подвергающихся насилию женщин (с. 89). Разумеется, в это число не входят другие члены семьи, включая детей, которые оказываются для убийц «побочными потерями», а также сами агрессоры, которые, расправившись с близкими, лишают себя жизни. Не учитываются здесь и невинные прохожие: например, 26 прихожан техасской церкви, в которую пришел зять, намеревавшийся убить свою тещу – и в результате истребивший десятки людей. Однако в связи с тем, что «именно любовь отличает домашнее насилие от любого другого преступления» (с. 99), у вопроса о том, почему не уходит жертва, появляется обратная сторона. Почти никто не задумывается: а почему в разрушительном антагонизме остается абьюзер? Между тем парадокс домашнего насилия в том, что сами обидчики и агрессоры одновременно и сильны, и бессильны: доводя тезис до крайности, можно даже утверждать, что они находятся в столь же безвыходном положении, что и их жертвы.

Именно этому посвящена вторая часть книги, в которой домашнее насилие анализируется с учетом отношения к нему самих абьюзеров. По мнению Снайдер, исследователи слишком часто игнорировали их взгляды, беседуя исключительно с жертвами, правозащитниками и полицией. Между тем исключительно важно понимать, что представляет собой мужчина-агрессор, как он видит себя в обществе и позиционирует в собственной семье. Вопрос, можно ли отучить агрессора быть таковым, остается в центре авторских размышлений на протяжении всего повествования. Предложенные на него ответы подразделялись на три категории: полиция и правозащитники утверждали, что это невозможно; жертвы надеялись на положительный исход, а

сами абьюзеры считали, что такой сценарий вполне вероятен. С тем, что агрессия поддается регулированию и подавлению, согласны и занимающиеся этой темой специалисты – как теоретики, так и практики. В 1980-м в Сан-Франциско была запущена программа по перевоспитанию мужчин, склонных к жестокости, которая к 1984 году превратилась в курс «ManAlive» – рассчитанную на целый год реабилитационную практику, разделенную на три этапа. Автор рассказывает, как это работает:

«Первые двадцать недель мужчин подводят к осознанию, что они ответственны за свою агрессию. В течение следующих шестнадцати недель им прививают альтернативные навыки поведения в ситуациях, прежде вызывавших агрессию. А третья часть, которая также длится шестнадцать недель, обучает их стратегиям доверительного общения и сотворения полноценной жизни» (с. 170).

Как, несомненно, догадывается читатель, эта программа вдохновляется гендерной теорией и нейролингвистическим программированием.

К концу 1990-х у программы появились продолжатели, которые, однако, считали, что «ManAlive» неполна и нуждается в подкреплении иными элементами перевоспитания. Так на свет появилась программа «Resolve to Stop the Violence», обогатившая эксперимент из Сан-Франциско элементами восстановительного правосудия. Предусмотренные этой добавкой процедуры нацелены на примирение жертвы и агрессора. В целом восстановительное правосудие исходит из того, что почти каждый преступник способен осознать, какие страдания он причинил – и это позволяет ему «восстановить» своих жертв настолько это возможно. «Примирение, которое достигается благодаря встречам правонарушителей и жертв домашнего насилия, является главной целью этого подхода», – пишет

автор (с. 172). В ходе реализации упомянутой программы в штате Калифорния были выделены тюрьмы, куда еженедельно привозят пострадавших от домашнего насилия, которые на коллективных встречах с заключенными делятся своим опытом, рассказывая, как они продолжают жить с травмой. Многие из присутствующих на этих беседах мужчин впервые осознают, что травмы и жестокость могут иметь долгосрочные последствия. Под воздействием этих трагических историй сами заключенные начинают говорить о собственном опыте насилия: о том, как они отрицали свою вину, манипулировали партнерами и угрожали им, преуменьшали последствия своих поступков. «Иными словами, они видят мир чужими глазами» (с. 176). Впрочем, сетует Сандерс, за двадцать лет, прошедших с запуска этой успешной программы, ее опыт повторили менее чем в десяти тюрьмах, большинство которых находятся за пределами США.

Одно насильственное действие порождает другое. Бывший муж Снайдер, который всю жизнь служил в армии, говорил ей, что проблема заключается в том, что, кем бы ты ни был, пистолет в руке автоматически определяет, на чьей ты стороне: он лишает нейтральности. По мнению журналистки, жестокость, разлагающая «не только отдельных людей, но семьи, сообщества, города, страны», работает точно так же (с. 208). Согласно подходу «ManAlive», всякое общество формирует представления сильного пола о «мужской модели поведения». Если эта система ценностей в какой-то ситуации ставится под сомнение, наступает момент «рокового аффекта», когда жестокость оказывается *соблазнительным выбором*. В «ManAlive» такие мгновения также называют моментами активации «внутреннего убийцы» и исчезновения «подлинного Я». По свидетельствам выпускников программы, когда такое происходит, «достаточно совсем

маленького изменения, чтобы напомнить себе остановиться, выдохнуть, не обострять ситуацию» (с. 210). Как правило, абьюзеры, представленные в книге, преуменьшают собственную жестокость, рационализируют свою агрессию и обвиняют жертву: «Триада одного цикла – преуменьшение, рационализация, обвинения» (с. 219–220). Потом у них наступает раскаяние, следуют слезные извинения, обещания исправиться, признания в любви. Поразительно, но все агрессоры, по мнению автора, следуют этому универсальному сценарию.

Многие преступники, о которых рассказывается в книге, имели трудное детство и нередко видели, как их отцы неподобающе обращались с женщинами. Многие из них сами пострадали от сексуального насилия еще детьми. Большинство участников эксперимента оправдывали жестокость отцов, при этом демонизируя матерей. Один из руководителей программы «ManAlive», с которым побеседовала Снайдер, считает усвоение поведенческой модели отца-нарцисса типичным для домашних агрессоров. Мнение, что жертва сама провоцирует агрессию в свой адрес, до сих пор широко распространено. Подкрепляет его и то, что в жизни самих жертв зачастую царит беспорядок: они злоупотребляют алкоголем, наркотиками, экономически неблагополучны, асоциально себя ведут. В результате, констатирует Сандерс, абьюзеры в своем харизматичном нарциссизме нередко предстают обаятельными и нуждающимися в сочувствии, в то время как жертвы выглядят жалкими и отталкивающими. По этой причине, как констатируют правозащитники, насильникам и агрессорам сплошь и рядом удается обманывать систему, что делает их еще более опасными (с. 229). Разумеется, это мешает обществу справляться с насилием в домах и квартирах. Опираясь на эти соображения, автор предлагает вместо термина «домашнее насилие» использовать более точное понятие – отражающее

психологическую, эмоциональную, физиологическую специфику описываемых в книге ситуаций, – «терроризм со стороны интимного партнера» (с. 266).

В третьей части Сандерс описывает работу активистов, которые находятся на передовой борьбы с домашним насилием. Она подробно останавливается на реальных возможностях, имеющихся у этих людей: здесь анализируются выдвигаемые ими правозащитные инициативы, а также пути и способы их реализации. Автор особо подчеркивает, что превентивные программы гораздо выгоднее для общества, с сочувствием цитируя одну из подвижниц: «Наша деятельность требует минимальных затрат. В разы меньше, чем расследование убийства, судебный процесс и тюремное заключение» (с. 349). Ближе к концу затрагивается еще один любопытный нюанс, зачастую ускользающий от внимания публики, в частности, российской. В некоммерческих организациях, работающих с бытовым насилием, внимание журналистки обратили на то, что это не только женская проблема, как порой считается – намного сложнее мужчинам, которые терпят побои дома. (По разным источникам, на таковых приходится от 15% до 40% всех жертв домашнего насилия в Америке.) Представители этой невидимой группы редко просят убежища и редко обращаются в правоохранительные органы. Та же культура, которая убеждает женщин сохранить семью и любовь любой ценой, принижает и стыдит мужчин, подвергаясь домашнему насилию: она внушает им, что настоящие мужчины не могут быть жертвами. «Эта культура ограничивает и жертву, и преступника – и оскорбленного, и оскорбителя» (с. 372). Причем, отмечает Сандерс, у однополых партнеров в США ситуация обстоит не лучше: они тоже предпочитают избегать полиции или правозащитников, хотя, по статистике, в нетрадиционных парах уровень домашнего

насилия даже выше, чем у гетеросексуалов (с. 372). (Самый же высокий уровень насилия, по данным автора, фиксируется у трансгендеров и бисексуалов.)

Снайдер убеждена: домашнее насилие представляет собой проблему, поддающуюся решению, причем как в Америке, так и в других странах. Несмотря на то, что

в ее работе репрезентирован чужой опыт, оценка еженедельника «The New York Times Book Review», назвавшего этот труд «очень важной книгой» (с. 436), сохраняет свою актуальность и в российском контексте. Причем в нынешние времена – в особенности.

Юлия Крутицкая